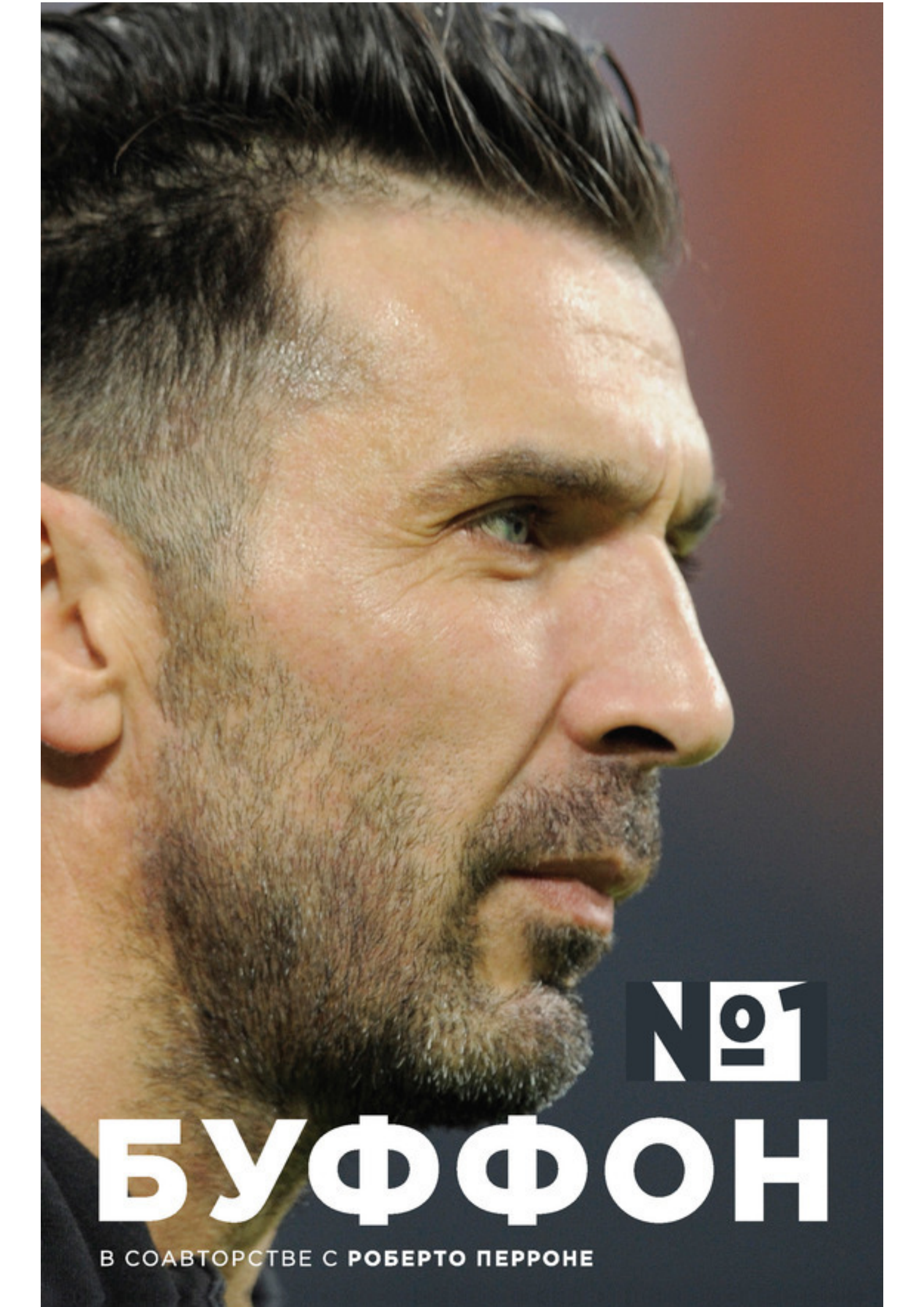

A close-up, profile view of a man's face, looking towards the right. He has dark, slightly messy hair and a well-groomed beard and mustache. His eyes are light-colored and focused. The background is a blurred, warm-toned wall.

№1

БУФФОН

В СОАВТОРСТВЕ С РОБЕРТО ПЕРРОНЕ

Иконы спорта

Джанлуиджи Буффон

Джанлуиджи Буффон. Номер 1

«ЭКСМО»

2017

УДК 796.332:929 Буффон Д.
ББК 75.578 Буффон Д.

Буффон Д.

Джанлуиджи Буффон. Номер 1 / Д. Буффон — «Эксмо»,
2017 — (Иконы спорта)

ISBN 978-5-699-99792-3

«Супермен», «Эль-буфф», а для российских фанатов – «Буффонище». Все это прозвища одного из самых лучших вратарей в мире, Джанлуиджи Буффона, чемпиона мира по футболу и неоднократного обладателя золотых медалей итальянской Серии А. В своей биографии Буффон рассказывает о себе, словно пишет роман. Здесь есть воспоминания: потасовка в стане пармских ультрас, матч за сборную Италии в холодной январской Москве и еще много других историй. Здесь есть человек – великий чемпион, который выигрывал и ошибался, который умеет с мужеством переживать любые ситуации. Здесь есть Джанлуиджи Буффон – номер 1.

УДК 796.332:929 Буффон Д.
ББК 75.578 Буффон Д.

ISBN 978-5-699-99792-3

© Буффон Д., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
1	9
2	12
3	16
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джанлуиджи Буффон, Роберто Перроне

Джанлуиджи Буффон. Номер 1

Gianluigi Buffon & Roberto Perrone

NUMERO 1

© 2008–2017 Rizzoli Libri S.p.A. / Rizzoli, Milan

© Шуйская Ю. В., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Я горжусь тем, что я голкипер. Мне интересно быть в эпицентре шторма. Я всегда считал, что, совершив ошибку, я лишь поскользнулся, но не упал. Я сразу поднимаюсь на ноги.

Джанлуиджи Буффон

Предисловие Роберто Перроне

Я был в Парме, когда он дебютировал в Серии А, когда Невьо Скала послал его защищать ворота в игре против «Милана», и он был абсолютным дебютантом – но не дилетантом – у ворот. Я был в Москве, в снегу, где никто, даже он сам, не хотел находиться, когда он дебютировал в национальной сборной. Я был в Турине, когда он впервые надел майку «Ювентуса» и спрашивал себя, правильный ли выбор он сделал. Я был в Удине, когда он выиграл свой первый скудетто, и мы все считали, что вошли в историю и сами пишем ее. Я был в Манчестере, когда он проиграл в финале Лиги чемпионов и был так задет этим, что вернулся и взял реванш. Я был в Берлине в тот вечер, когда «верный Канна» передал ему в руки Кубок мира.

Я был везде с ним, и был там ради него. Я хочу сказать, что многие могли бы написать историю Джиджи Буффона, возможно лучше, чем я. Но прелесть этой книги – по-моему, очень эгоистичной – в том, что она родилась из дружбы и ее скрепила. Яйцо не появилось раньше курицы, а книга – раньше дружбы: все шло естественным образом, по правилам матери-природы, которая никогда не ошибается.

На этих страницах самый великий вратарь мира – один из четырех или пяти, которые останутся навсегда в мировой истории футбола, – рассказывает о себе, словно пишет роман. Здесь не всегда есть даты, но всегда есть воспоминания и образы. Здесь есть человек – великий чемпион, который выигрывал и ошибался, который умеет с мужеством переживать любые, в том числе и негативные, ситуации. Есть особый раздел классификаций, но нет маниакальной страсти соблюдать календарь. Более того – мы наверняка ошиблись в какой-нибудь дате (на что точно обратят внимание въедливые журналисты и их редакторы). Работая над этой книгой, мы сосредоточились на гораздо более важных вещах: спагетти карбонара от Анджелино, артишоках Судьи, компании Алены и Сильвано и, конечно, маленького Луиса Томаса, который с удовольствием слушал воспоминания своего отца и сидел у него на руках весь вечер.

Я ненавижу длинные предисловия, так что хватит. Если непонятно – я написал о человеке, которого люблю. Единственный играющий футболист, которого я могу назвать своим другом. Единственный, с кем я пошел бы поужинать. Не только из-за нашей дружбы, но и потому, что в плохой ресторан он меня не поведет.

Пролог

Мэрилин ошиблась

Иногда я скучаю по спокойной жизни, как по редкому, драгоценному цветку. В такие моменты все, чего ты обычно пытаешься избегать, внезапно образует в душе огромную дыру. В такие моменты некоторые фразы, которые ты всегда произносил с трудом или наоборот – с улыбкой удовлетворения, становятся правдой. Болезненной правдой. От которой никуда не скрыться.

Это длилось со мной полгода, с декабря 2003-го до мая – нет, до июня 2004-го.

Я впал в депрессию, ходил к психологу. Ни до, ни после я так и не понял, почему все произошло именно тогда. Возможно, это был переход от молодости к зрелости – хотя я был не так уж и молод: уже прошло тринадцать лет, как я жил отдельно от семьи, да и моя карьера не застыла на мертвой точке. С другой стороны, я был далеко от дома, да и с моим «Ювентусом» не все было гладко в тот период. Как это называется в таких случаях? Переходный год. Но это вряд ли может служить объяснением.

Что же со мной было? Простейшая вещь, в общем-то: я не был удовлетворен ни своей жизнью, ни своей работой – футболом. Это были трудные месяцы, их было тяжело пережить. Человек, у которого всегда есть стремление и желание бороться, который всегда был способен превзойти себя и найти силы в любой ситуации, с большим трудом находит повод подняться.

Я тренировался, и у меня ничего не получалось. Я был напуган, и этот страх – в том числе на чемпионате Европы в Португалии, который закрывал этот сезон, – был для меня чем-то новым. У меня начали дрожать ноги, мне постоянно было плохо.

В течение месяца я вообще чувствовал себя сумасшедшим. Нет, я не сделал ничего ужасного, ничего неисправимого, ни одного неверного движения. Но я чувствовал себя так, будто моя голова принадлежит не мне, а кому-то другому, как будто я постоянно находился в другом месте.

К счастью, хотя я и привык рассчитывать только на свои силы, я никогда не стыдился разговаривать, рассказывать, открываться другим людям. Я говорил об этом со всеми: с семьей, с главой клуба и врачом команды, Риккардо Агрикола. И они мне помогали.

Месяц я ходил к психологу. И это мне помогло.

К счастью, я быстро вышел из этого состояния.

Это ощущение страха и неуверенности вдруг исчезло именно там, куда я так боялся ехать: на чемпионате Европы в Португалии, на ужасном матче Дания – Италия, закончившемся нулевой ничьей, который сейчас все помнят по плевку Франческо Тотти в Поульсена, теперь внезапно ставшего моим партнером по команде.

Это было внезапное облегчение. Словно после грозы очистилось небо. Я был под ливнем, и вдруг надо мной оказался ясный небосвод.

Мы вошли в раздевалки, и я был единственным, кто улыбался. Возможно, кто-то из моих товарищей подумал: «И чему тут улыбаться?», но никто мне ничего не сказал.

Именно там я задумался над фразами, которые мы считаем банальностями, над этими поговорками, которые кажутся нам старыми, нудными и лишенными смысла в наше время, полное противоположных мнений.

«Не в деньгах счастье».

У меня в голове застучали эти слова. И внезапно я понял, насколько это верно. Я понял, что в некоторых ситуациях деньги не имеют никакого отношения ни к твоей жизни, ни твоим ценностям, ни к тому, чему ты учишься каждый день и учишь тех, кто с тобой рядом.

Мэрилин Монро однажды сказала: «Лучше плакать в «Роллс-Ройсе», чем в переполненном трамвае». Она ошибалась. Тот, кто плачет в переполненном трамвае, понимает, что может выйти, улучшить что-то, изменить условия своей жизни, вложить больше силы, больше упорства, больше желания для того, чтобы выйти из кризиса, и у него быстрее высохнут слезы.

А тот, кто плачет на удобных сиденьях «Роллс-Ройса», уже достиг всех мыслимых пределов, и ему будет гораздо труднее выйти из кризиса, потому что он даже не знает, что ему еще улучшить. На самом деле у него нет надежды.

В тот июньский день 2004 года, в раздевалке стадиона в Гимарайнше, я вдруг ощутил невероятное счастье.

«Я вернулся», – сказал я сам себе, пока мои товарищи смотрели на мою улыбку и качали головой.

Я снова Джиджи.

Джиджи Буффон.

1

Тринадцать! Блюз Пертегада

«Тринадцать!!!»

Вопль потряс дом в Пертегаде. Возможно, этот крик было бы слышно даже в семейном магазинчике внизу, если бы он был открыт. Но он закрыт – воскресенье, вечер. Одно из тех воскресений, когда футбол в итальянских домах начинается (и заканчивается, потому что нет дополнительного времени, а детям не рекомендуется смотреть «Спортивное воскресенье») на 90-й минуте. Зимой повсюду темно, а в Пертегаде – особенно. Это край, где зимы начинаются рано и длятся дольше, чем ожидаешь, – как дополнительное время матча.

И вот я там, дома, у дяди и тети, сумасшедших болельщиков «Ювентуса», и я счастлив, потому что держу в руках карточку футбольного тотализатора. Мне четыре или пять лет, и прошлым вечером я впервые продиктовал свои первые цифры в тотализаторе.

«У меня тринадцать», – настаиваю я. Дядя с тетей смеются. Они смеются не надо мной, но мне все равно неприятно. Они терпеливо успокаивают меня и объясняют, что в тотализаторе считается одна колонка, а не две.

В тот раз у меня не было тринадцати, но много лет спустя – а я играл в тотализатор, пока мог, каждую неделю – мне удалось собрать двенадцать, на миллион лир. Я не помню, кричал ли я, и даже не помню, где в тот момент находился. Но получил колоссальное удовлетворение. Не из-за денег, а из-за результата. Мне приносит радость сама игра, – пожалуй, самая большая моя страсть. Но это другая история, о ней потом.

Настоящий выигрыш – это моя семья: папа Адриано и мама Мария Стелла. Часто я смотрю на них – уже не глазами ребенка, но взрослого, и все равно удивляюсь. Я бы тоже хотел через тридцать лет так смотреть на женщину, которую люблю, и хотел бы, чтобы она смотрела на меня так, как моя мать на отца.

Мой папа толкал ядро, мама метала диск. Они тренировались в национальной сборной по атлетике в Формии, в Федеральном техническом Центре. Нельзя сказать, что первая их встреча отметилась большой симпатией. Папа размахивался для броска, мама проходила мимо, и он грубо крикнул ей: «Уберись!» Один бросок – и два сердца. Даже три. Сначала Гвендалина (1973), Вероника (1975), потом я, в 1978-м.

Я самый младший в семье, я всегда им был и всегда останусь, возраст и рост не играют роли. Я самый младший, и все.

Мне всегда казалось, что спорт у меня в крови: вся моя семья – спортсмены, все Буффоны носили майки национальной сборной. Сначала занимались спортом, потом преподавали. Мои сестры были чемпионками в волейболе. Мои родители получили дипломы тренеров Национального института физкультуры и работали в школах Тосканы: Тиррения, Пиза, Фучеккьо. Когда я родился, мои сестры ходили в детский садик. Но я был самым маленьким и не мог посещать садик на полный день. Мой отец был из Латизаны, Фриули, и там до сих пор живет его семья.

Так что я оказался у дяди с тетей, потому что они могли меня содержать. Пока я не пошел в школу, моя жизнь была подчинена сезонному ритму: зимы я проводил в Пертегаде у дяди с тетей, лето – дома.

Пертегада – малюсенький городок, я был дико избалован дядей Джанни и тетей Марией (те самые, с тотализатором) и бабушкой Линой. Я был любимым, самым маленьким внуком, чужаком. Думаете, это ничего не значит? Вы когда-нибудь жили в маленьком

городе? В маленьких городах всегда так: если вы не часть клана, вы становитесь чужаком, на вас смотрят, изучают, и если принимают, то любят еще больше, чем тех, кто жил там всегда.

Иногда я спрашиваю себя, у всех ли так, у всех ли жизнь строится на связях, отзывах, сигналах. Свои первые игры с футбольным мячом я провел именно в Пертегаде, среди сугробов. Когда я дебютировал в национальной сборной, я смотрел на снег на бывшем стадионе Ленина в Москве и думал: «Невозможно, неужели и здесь?»

В Пертегаде я проводил дни в продуктовом магазине с другой моей тетей, Альдиной. Для меня это был волшебный мир. Ходить между полок, бегать по коридорам, полным еды. Еды...

У меня всегда был полный рот. Больше всего мне нравились бутерброды с мортаделлой, я поглощал их, как машина. А еще были конфетки Nargito – с мармеладом, с карамелью, с ликером. Счастливый, я полными руками загребал сладости. Бродить по этим коридорам – это был мой способ не надоедать родственникам. Я привык быть автономным. Это всегда была моя особенность.

Магазин был на первом этаже. На втором был дом, разделенный на две части: с одной стороны – Джанни и Мария, с другой – Альдина. Была огромная печь, на которую кидали одежду, приходя с улицы, если снаружи шел снег. К Альдине я ходил смотреть фильмы с Бадом Спенсером, со всеми его пинками и улыбками, а она мне готовила макароны в соусе или кукурузный суп.

Всегда нужно было что-нибудь горячее, потому что на улице было холодно. Я не страдаю от холода. Часто думаю, что в детстве я хорошо закалился, но холод мне не нравится. Я помню, что однажды после обеда мне запретили выходить гулять, потому что шел снег. Тетя Мария семь раз переодевала меня до обеда. Каждый раз я заново выходил и играл в снежки, бегал с друзьями, играл в мяч.

Я не люблю надевать на себя много одежды даже зимой, но когда живешь в месте с таким климатом, начинаешь любить тепло. Тепло печки в доме дяди и тети во Фриули было важным элементом моего детства.

Как и отсутствие режима. Может быть, поэтому я сейчас ем когда угодно, но не по расписанию. Мы вставали в пять, садились за стол в 11.30 и в 17.30, в 20.30 пили ромашковый чай и шли спать в 21.00. Это был мой дом, и я любил и его, и людей, которые в нем жили.

Я так любил их, что однажды расстроил маму. Возможно, это было одно из самых больших ее огорчений, связанных со мной. Это было на одном из грандиозных семейных сборищ, на религиозном празднике, в Карраре. Когда надо было идти спать, я устроил ужасную сцену: я хотел спать с дядей и тетей, а не с родителями. Мама до сих пор время от времени вспоминает об этом и рассказывает мне, качая головой.

Пертегада – место моих корней, моих самых сильных впечатлений, одно из тех мест, куда я постоянно возвращаюсь своей памятью. Там, среди прочего, я начал коллекционировать наклейки Panini. В 1983 году мне подарили мой первый альбом. Листая его, я до сих пор испытываю сильные эмоции и снова вижу себя ребенком, который открывает упаковку с наклейками Асколи: Анцивино и Николини. Я никогда не прекращал их собирать.

С 1961 года у меня нет только двух альбомов.

В Пертегаде я получил и свой первый мяч. Его мне подарил дядя. Я пошел играть на поле в пятистах метрах от дома. Это был «супертелемяч», как тогда говорили. Он летел, куда хотел. Мой отец дарил мне только мягкие, как губка, мячи, которые мне не нравились. Я бегал по полю с мячом и играл с мальчишками старше, я был их баловнем.

Летом я возвращался в Каррару. Лето для меня, ребенка, было не менее магическим, чем зима. В сущности, это был тот же запах открывающейся перед тобой жизни, возможно, все попробовать. Моим любимым местом был – и остается по сей день – курорт Баньи

Юнионе 1920. Весь день на пляже с сестрами, кузинами и их парнями. Я и там был баловнем. Иногда, правда, меня использовали как игрушку.

Их любимым развлечением было следующее: они связывали мне руки за спиной, а я должен был преодолевать преграды, прыгая по песку. Сколько раз я царапался! Но мне нравится думать, что так я преодолел страх падать на землю, даже когда она покрыта снегом, и принимать удары.

Однажды в сентябре я не вернулся в Пертегаду. Мне было шесть лет, и пора было начинать ходить в школу.

Открылась первая серьезная дверь моей жизни.

2

Скамейка и штанга

Между западом и дорогой на Эмилию Банг

Или похожий звук.

Мяч попадает в штангу и отлетает в поле. Теперь я наконец-то вздыхаю с облегчением. Я не успел за ним, но бог ворот подал мне руку и взял тот мяч, который не взял я.

Но не в тот день, тогда мне это не понравилось. Я должен был забить гол, и не где-нибудь. «Сан-Сиро» огромен, он подавляет тебя, к этому невозможно привыкнуть, он производит впечатление даже на профессионала. А уж на мальчика! Мой первый раз на большом стадионе, мой дебют, и я не защищал ворота команды, а пытался забить мяч. И он попал в штангу. С пенальти.

Банг. И я не смог вписать этот гол на миланском стадионе в свои спортивные достижения.

Это был март 1989-го, я играл в отборе «Масса Каррара». Там был и Дзанеттино, как я называю Кристиано Дзанетти, ныне моего товарища по «Юве», и Марко Росси из «Дженоа». Это был ребяческий матч, закуска перед главным блюдом, матчем Серии А. В тот день в программе был «Интер» против «Вероны». Хозяева выиграли 1–0 благодаря голу Берти.

Да, я начал играть в футбол. Я имею в виду, не в снегу Пертегады, не на песке. Не просто для развлечения, а в настоящей команде. В шесть лет, когда я пошел в начальную школу, семья наконец-то воссоединилась, и мы стали жить в домике на набережной Каррары. В Пертегаде я делил комнату со своим кузенком Серджио, а теперь с сестрами.

Тетрадки и мяч. Вот жизнь шестилетнего мальчика. Свой первый школьный день я хорошо запомнил. Все входили в классы с родителями, родственниками. А мой отец проводил меня до коридора, где начинались аудитории. Он остановился и сказал мне: «Первый «Б». И ушел, оставив меня посреди коридора.

Я один направился в свой класс и нашел там учительницу, ту же, что у моей сестры Гвендалины, по имени Габриелла Ванелли.

Я никогда не ходил с удовольствием в детский садик. В тех редких случаях, когда я там оказывался, надо мной все смеялись. Конечно – когда все клеили что-то из бумаги, я ее жевал.

Я приехал из Пертегады, из коридоров семейного магазина, печки, где сушилась одежда, из маленького мира, состоявшего из одних и тех же лиц, постоянных ритуалов. Я не привык к общественной жизни, это все было мне в новинку. Но мне понадобился один день, чтобы приспособиться. Такова моя натура: мысль о чем-то новом на секунду меня блокирует, а потом я бросаюсь в это новое. В целом во время школьной жизни я был хорошим учеником. Конечно, достаточно жизнерадостным. Однажды учительница написала: «Он мог бы быть лидером класса».

Бумага, ручка, тетради. И мяч. Сейчас такого больше нет, но в те времена первое, что спрашивали друг у друга мальчики при знакомстве, было: «За кого болеешь?»

Все мои товарищи болели за «Юве» или за «Интер». Слишком просто. Мне нравились «Дженоа», «Пескара» Джованни Галеоне, Ребонато и Слишковича, – те, кто на «Сан-Сиро» победил «Интер» со счетом 2–0 в первый день чемпионата 1987–1988.

Я болел за футбол и играл в футбол. Мой отец тренировал команду «Каналетто» города Ла Специя. Я начал там. Сначала у меня не было особой страсти ни к команде, ни к спорту, мне просто нравилось, что у меня есть сумка, кроссовки и форма. Вот что было важно. А «Каналетто» или мадридский «Реал» – мне было все равно.

Свой первый матч я сыграл против «Каналетто»-76, более взрослых. И в тот раз я забил гол. Дебютировал с забитым мячом. Неплохо.

Две тренировки в неделю, вторник и четверг. Я выходил из школы, перекусывал бутербродами, которые готовила мне мама, и ехал в Ла Speziу. Тридцать – сорок минут поездки, в зависимости от дороги. «Каналетто» был религиозной командой, перед началом тренировки все молились. Меня это не волновало. Я три года играл в «Каналетто». Три года был полузащитником.

Думаю, моя судьба была предрешена. Я не начинал как вратарь, но это была моя роль. Возможно, подсознательно я всегда это чувствовал. Или судьба подавала мне сигналы. Однажды меня позвали заменить вратаря, и на один матч я стал им. Через год, когда я продолжал играть в центре поля с командой на год старше, меня позвала команда 76-го года, чтобы я сыграл за них в воротах в финале. Тренер по фамилии Сабатини, с которым я тогда поспорил, поставил меня на самые важные матчи: четвертьфинал, полуфинал и финал. И мы выиграли чемпионат провинции. Потом сезон закончился, и я продолжал играть в полузащите, уже не в «Каналетто», а в «Карраре», а потом пошел играть в «Пертиката» – команду-спутник «Интера», где играл также Джанлука Сордо, который потом был в «Турине» и в «Милане».

Я был такой же парень, как все: школа, футбол, друзья. Друзья. Банда с улицы Кадорна: я, Марко, Клаудио, Бук и Маранго. Волейбол, баскетбол, прятки. Это была спокойная жизнь, родители оставляли нас на улице до одиннадцати вечера, если погода была хорошей.

Это был мой Дикий Запад, моя прерия. Моими героями были персонажи японского мультика «Холли и Бенджи». Кто его не видел, тот и не поймет, о чем речь, но кто видел хотя бы один раз, тот никогда не забудет. У них было бесконечное поле, по которому они бежали, бежали, как будто оно было длиной два километра. И стальной робот Джиг. И незабываемые картинки с изображениями футболистов для обмена. Мы часто бывали дома у Марко, у такого классического друга, который получает все раньше прочих. У него появлялись первые консоли для электронных игр: Вик 20, Коммодор 64, Амига.

Среди нас были и девочки: Эмануэла, Клаудия, Валентина. Ужины пятого класса с пиццей и игрой в бутылочку. Никогда не понимал, почему она поворачивается всегда к одним и тем же людям. Мне всегда не везло. По-моему, это было мошенничество.

Футбол входил в мою жизнь тысячей способов. Часто – по телевизору. На чемпионате мира 90-го года я открыл для себя команду Камеруна. Но их вратаря, Томана Н'Коно, великого вратаря, который до сих пор является моим идолом, я видел и раньше, на воротах «Эспаньола», который выбил «Милан» Арриго Сакки из Кубка УЕФА 1987 года. Я влюбился в Камерун, потому что в альбоме чемпионата мира для этих ребят дважды выделили страницы – как это бывает в альбомах чемпионатов Серии Б. Мне это не казалось справедливым. Эти черные лица в махровых футболках делали мне больно своим футболом. Я стал их фанатом. «Дженоа» меня завоевала, потому что в Генуе жили мои дядя и тетя, Джанпьеро и Кора, мамина сестра. Настоящие болельщики. Когда я приходил к ним, я был очарован грифоном, которого они прикрепили на торпедо автомобиля. Я помню матч «Дженоа» – «Удинезе» в начале чемпионата 1983–1984, закончившийся сокрушительным поражением хозяев 0–5. Помню суперзвезду Зико, моего дядю, который рвал на себе волосы. Я принципиально не давал поражениям взять такую власть над собой.

Именно в 1990-м я решил стать вратарем. Это мне подсказал мой отец. Шаг назад. Мой папа часто давал мне советы, но он не был тем классическим отцом, которого стыдишься, из тех, кто висит на сетках, окружающих поле, и кричит проклятия всем, включая сына.

Нет, он мягко следовал за мной, когда я делал карьеру полузащитника в «Тарделли», в «Берти», то есть должен был забивать немало мячей. Это было у него в характере. Мой отец

смотрел мои матчи из полуприкрытого угла стадиона. Я видел его там, в глубине, одного. После матча, когда я подходил к нему, он давал мне советы. Но аккуратно.

– Нужно больше упорства.

Он направлял меня. Иногда злился. Но не по техническим вопросам, а всегда по моему участию в матче.

– У тебя невероятная сила, но ты не используешь ее как можешь.

Потом однажды он сказал мне:

– Джиджи, а почему бы тебе не попробовать годик побыть вратарем?

А у меня уже был мой кумир из команды Камеруна 1990-го – Н'Коно.

– Давай попробуй.

Думаю, мой отец что-то заметил, наблюдая несколько дней назад, как я изображаю своего кумира.

Мне было тринадцать лет. В этот момент я и решил, что буду вратарем. Но «Пертикату» я интересовал только как игрок полузащиты. Так что я ушел в другую команду. Моя настоящая карьера началась в «Бонасколе».

Там я четко сказал: я пришел играть на воротах. Они согласились, но спустя несколько матчей стали предлагать мне снова поиграть в центре поля. Но я держался стойко. Тренера вратарей звали Авио Менкони, и он играл в Серии С. В конце года я снова оказался с командой старших, 76-го года, в заключительной части чемпионата. Я закончил сезон турниром Маэстрелли: мы победили «Турин» 1–0, и это был великий матч. И его фактически сделал я.

Это была поздняя весна 1991 года. Я был высоким, худым, и я был вратарем. Мне хватило девяти месяцев, чтобы им стать. Вратарем, а не кем-нибудь. Это не только личное убеждение, но и отзывы других. Меня заметили некоторые важные команды. Меня звали к себе три – «Болонья», «Милан» и «Парма».

В «Болонью» меня отправила «Бонаскола». Я пару раз попробовал в «Кастельдельболе», красно-синем спортивном центре. В один из этих разов тренер вратарей, Персико, показав на молодого игрока из «Примаверы», сказал мне: «Смотри, если ты хотя бы наполовину будешь играть, как он, то уже будешь отличным вратарем». Этого парня звали Пилато, и он играл даже в Серии В.

Представители «Милана» приехали посмотреть на меня лично: просмотр включал в себя один матч и серию пенальти.

В «Парме» меня просматривали два скаута. Я специально ездил туда на просмотр: тренировка, матч и пенальти.

Во всех этих случаях отец со мной не ездил. Он не хотел давить на меня, хотел, чтобы я чувствовал себя спокойно, был самим собой, чтобы я воспринимал это не как экзамен, а как продолжение игры, без тревоги, без страха. Он бы хотел, чтобы я воспринимал это серьезно, но без фанатизма.

В «Болонье» я понравился, но они колебались, не были на сто процентов уверены.

«Милан» не колебался. Они были уверены на сто процентов. Они твердо решили взять меня и даже направили документы моим родителям. Мама и папа ездили в Лоди посмотреть, где я буду жить.

«Парма» тоже меня хотела. В конце мая я прошел просмотр. Спортивный директор сомневался, но тренер Эрмес Фульгони (в чемпионате 2007–2008 он был в «Реджине» в штабе Фиккаденти) сказал: «Этого парня мы должны взять любой ценой». Именно он позже, когда мне было шестнадцать, предсказал мне: «В двадцать лет ты будешь играть в Серии А». А я ему ответил со своим всегдашним лицом: «А до этого что я буду делать?» Я дебютировал в Серии А, когда мне еще не было двадцати – терпение никогда не было моей сильной стороной.

Я не наглец и не хвастун, и лучше всего об этом говорят те вещи, на которых останавливаю свой выбор. И в тот раз, в тринадцать лет, я сделал самый странный, самый непопулярный выбор.

Я выбрал «Парму». Новая команда, только год как в Серии А. Мои родители были удивлены, но в своем стиле – никак не отреагировали. Они просто сказали нужную фразу в нужный момент: «Парма – город, в котором человеку легче жить». Как и все их советы, эта фраза была наполнена смыслом.

Я был счастлив – сбывалась моя мечта. Мама и папа сопровождали меня на собрание в Парме: моей новой категорией стала команда юниоров. Это был август 1991 года.

Я явился в клоггах и бермудах, очень спортивный – возможно, даже слишком. После собрания я отправился на стадион «Эннио Тардини», взять сумку с формой. Я немного волновался из-за того, что придется познакомиться со многими новыми людьми, но совершенно не грустил, как другие мои друзья, которые уезжали играть по Италии и бросали свою семью.

Из «Тардини» на автобусах команды мы поехали на поле Стюард, базу юниорской команды «Пармы». Я помахал родителям из окна. Они стояли на площади перед стадионом.

Мне было тринадцать лет, я только получил свои документы для игры за юниоров в команде Серии А. Я еще ни разу не целовался, у меня еще не было девушки. Но меня это не напрягало.

Я был вратарем. Номер один. Тогда это был всего лишь номер на моей футболке. Начало. Или обещание.

3

Крылья свободы Бентивольо и Буффон, Италия вам аплодирует

Контролер ушел в другой вагон. Можно выходить. Сколько раз я ездил, закрывшись в туалете, потому что забыл билет, или перепутал направление (как в тот раз), или из-за нехватки денег, или просто так? Надо сосчитать, для статистики. Отбитые пенальти, пропущенные голы, сэйвы, поездки без билета.

Мы снова были в купе, я и трое моих друзей – Морелло, Феррарини и Маньяни. Внезапно дверь купе отъехала в сторону. Ф-у-у-у-у. Это не контролер, это парень с девушкой. Симпатичные. Мы возвращаемся из Рима в Парму. Они спросили, не футболисты ли мы – на нас футболки команды. Мы сказали, что мы – ветераны чемпионата Европы для ребят младше пятнадцати лет в Турции. И тут парень просиял:

– Да, я читал в газете, там была статья... Там так хорошо писали про вратаря. Как его?.. Буффон, кажется.

– Это я.

Жаркий майский день 93-го – впервые в жизни меня догнала известность. Я ощутил прилив гордости, но и ощущение, что что-то изменилось, что-то новое вошло в мою жизнь. Но я чувствовал, что я на верном пути.

Два года назад я помахал родителям из окна автобуса. Меня охватили эмоции, когда вратари строились перед тренерами. У меня за плечами был всего год игры вратарем и еще не было хорошей техники. Мне отчасти было страшно. Все изменилось – и футбол, и вся жизнь.

Я оставил дом и семью, чтобы жить в пансионе. «Мария Луиджия» – прямо напротив «Эннио Тардини», стадиона «Пармы».

В первый вечер моими соседями по комнате стали Андреа Тальяпьетра, Стеве Балланте, с которым мы до сих пор дружим и время от времени созваниваемся, и Антонио Вентурини. С Антонио мы жили в комнате на двоих два месяца, потом он вернулся домой. Он скучал по семье.

В самом начале я тоже не очень радовался. Само слово «пансион» не вызывает позитивных чувств. Со временем, правда, начинаешь его любить, потому что чувствуешь себя «социализированным». Это выражение осталось в моей памяти после фильма «Крылья свободы» – прекрасного фильма, который рассказывает о жизни в тюрьме. Совсем другая история, гораздо худшие условия, но правила так же влияют на тебя и помогают тебе больше стать самим собой.

В пансионе ты сталкиваешься с людьми, у которых серьезные проблемы и которые могут разрушить жизнь даже тех, кто изначально переполнен самыми благими намерениями. У многих ребят была тяжелая семейная ситуация: отцы в тюрьме, матери в расстройстве. Некоторые злоупотребляли – курили или что похуже. Там были и хулиганы, но с ними, к счастью, мне не доводилось встречаться. Некоторые хотели командовать, раздавать приказы для демонстрации своего превосходства, так как не были уверены в себе и старались создать эту уверенность искусственно. Я физически был самым большим и сильным и, хотя это и нереально, старался быть со всеми в хороших отношениях, никогда не поддерживал наглецов и тех, кто пытался доминировать над другими. Если кто хотел взять верх надо мной, ему хватало секунды, чтобы понять, что этого делать не стоит.

Мне было столько же лет, сколько им, и каждый возраст своей жизни я прожил сполна. Я имею в виду, что делал некоторые глупости – например, курил в четырнадцать лет. Сей-

час это может показаться ерундой, но тогда на нас это плохо отразилось – мы приучились к вещам и похуже, и все было нипочем. Мы ходили к тем, кто мог нам скрутить косяк. Возможно, тогда, много лет назад, я и сделал пару затяжек. Достаточно для положительного теста на допинг – который, к счастью, не делаю на чемпионатах юниоров.

Но пансион – это хорошая школа жизни. Не в смысле плохого опыта, а в смысле умения избегать плохого и учиться пониманию, насколько важно образование, которое ты получаешь. Если я сделал глупость, я уже ее не повторю.

Иногда я вспоминаю то время, перебирая в памяти лица ребят и встречи, случившиеся на моем пути. Люди, которым не удалось стать футболистами, но они были там со мной в течение четырех или пяти лет. Они занимаются чем-то другим, работают на вполне уважаемой работе, но не на той, ради которой трудились годами.

Когда я об этом думаю, я всегда прихожу к заключению: все, что у меня есть, – следствие тех жертв, которые я приносил, а не того, что я делаю сейчас.

И я жил по привычному распорядку. Подъем, завтрак, обед в час дня, в 13.45 автобус на тренировку. Я глотал, не жуя. День за днем, каждый день, кроме свободных часов в субботу после обеда или в воскресенье, когда можно было, если хочешь, сходить посмотреть на домашние матчи «Пармы».

Девушки? Ну... Они были в школе, но времени на них не было. Такая жизнь. Жизнь, где граница между зрелостью и незрелостью очень тонкая, и ошибки можно избежать благодаря незначительной детали.

Мы играли в провинциальном чемпионате, и это не было слишком трудно. Играли против приходских команд. Нечем было себя проявить. Примерно в феврале был тест – товарищеский матч. Такой матч, на который приходят посмотреть молодых игроков – вроде того, на котором просматривали меня. Там был вратарь моего возраста, были менеджеры клубов и тренеры. Я немного выпендривался, чтобы показать, что у меня нет соперников, и пропустил дурацкий гол.

На выходе с поля меня остановил Фабрицио Ларини, ответственный за юниорскую команду:

– Попытайся измениться, иначе вернешься домой.

Это было всего лишь предупреждение, но для меня оно прозвучало как гром среди ясного неба. Внезапно я понял, что, несмотря на то что я был мальчиком, а это была всего лишь игра, в ней уже появились профессиональные правила. Я вошел в мир работы, почти сам того не заметив. Это были соревнования. Через месяц мы поедем играть на турнир в Геную, в Молассану, против «Дженоа», «Сампдории», «Энтеллы», команды Кьявари.

Мы выиграли финал у «Дженоа», я отразил три пенальти и сам забил: в команде я еще был и лучшим пенальтистом. Я продолжал бить пенальти, пока не стал профессионалом, и не случайно тем памятным вечером в Берлине мне предложили выйти и забить. Я перестал только сейчас, потому что появились отличные пенальтисты, но я всегда готов подойти к точке, если понадобится.

В тот день в Молассане меня наградили как лучшего вратаря, и это был поворот: я начал ощущать поддержку и доверие тренеров.

Тогда моим тренером был Эрмес Полли, по прозвищу «почтальон», миф Пармы: более тридцати матчей в футболке с крестами. Он работал на двух работах: играл в футбол и разносил почту.

В июне я окончил среднюю школу и записался в лицей в Бодони. В пансионе можно было учиться, как в гимназии, но я этот вариант даже не рассматривал. Так было тяжелее – нужно было ходить в другую школу, у меня было очень мало времени на себя, но я хотя бы менял обстановку.

Кончилась и моя анонимность – я начал светиться в национальной сборной, меня позвал Серджио Ватта, тренер команды ребят младше 15 лет. Мы летим в Глазго, этой мой второй, и самый долгий на тот момент, полет на самолете. Это была квалификация на чемпионат Европы, который должен был пройти в Турции.

Мои надежды, мои мечты воплощались в жизнь, становились реальностью, их можно было ощутить и потрогать. В Турции в мае 93-го мы дошли до финала, где нас разгромила Польша. Там был Франческо Тотти – точно такой же, как сейчас, там был Виджани, который играет в «Реджине», там были мои друзья из «Пармы» – те самые, из поезда, без билета.

В Турции в четверть- и полуфинале были пенальти, и я сделал все, что мог: в матче с Испанией я отразил два и сам забил один, в матче с Чехией я сам промахнулся, но сумел взять три пенальти. Именно тогда в «Газзетта делло Спорт» был заголовок на первой странице:

БЕНТИВОЛЬО И БУФФОН,
ИТАЛИЯ ВАМ АПЛОДИРУЕТ

Это был мой первый газетный заголовок, и я разделил его с девушкой, Франческой Бентивольо, которая была старше меня на год, молодой теннисисткой, которая в эти дни, начав с квалификаций, дошла до четвертьфинала Открытого чемпионата Италии в Риме. Франческа рано оставила теннис, предпочтя заняться другими делами.

Какая странная судьба! Вернувшись в Италию, мы остановились в Риме в гостях у Мауро Влловича, теперь секретаря федерации футбола. Он дал нам билеты на матч «Рома» – «Торино» (5–4 по пенальти, такой результат невозможно забыть), и я прошел как раз мимо Форума, где моя «сестра по заголовку» принимала свою порцию славы.

Я, как всегда, смотрел матч за воротами. Если как вратарь я только начал расправлять крылья, то как болельщик я к тому времени был профессионалом.

4

Болельщик в косухе ***Мои выходные за воротами***

Пятьдесят лиц подозрительно посмотрели на меня, когда я сел за воротами на стадионе в Болонье. Думаю, только они и смотрели на меня на этом бетонном поле — я появился внезапно, непредсказуемо. После всего пережитого риска было бы достойным завершением, если бы меня негативно приняли или, хуже, попытались бы побить. Я всего несколько раз в жизни так боялся. На каждом шагу я проверял, не вывалился ли транспарант из рюкзака. Если бы его нашли, мне бы не поздоровилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.